

На правах рукописи

ИСЛАЕВ ФАЙЗУЛХАК ГАБДУЛХАКОВИЧ

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВОЛГО-
УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
(XVIII ВЕК)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

**А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

КАЗАНЬ - 2005

Работа выполнена на кафедре современной отечественной
истории Казанского государственного университета
им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный консультант: академик Академии наук Республики
Татарстан, доктор исторических наук, профессор **Тагиров Индус
Ризакович**

Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор Иванов Ананий Герасимович (Йошкар-Ола) доктор исторических наук, профессор Гилязов Искандер Аязович (Казань) доктор исторических наук Исхаков Дамир Мавлявеевич (Казань)
-------------------------------	---

Ведущая организация: Институт российской истории РАН (Москва)

Защита состоится «9» июня 2005 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.01. в Казанском го-
сударственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул.
Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Г. Кашафутдинов

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Россия исторически формировалась как страна полиэтническая и поликонфессиональная. В этих условиях религиозная политика государства в системе его внутриполитической деятельности приобретала особое значение. В общецивилизационном плане она была призвана обеспечить устойчивое функционирование российского социума как целостного организма, его единство при сохранении национально-религиозного своеобразия. Опыт осмысления и реализации этой сложнейшей задачи, причем постоянно возобновляемой самим ходом развития многонациональной и поликультурной страны, представляет как академический, научный, так и практический интерес, в том числе в контексте реалий сегодняшнего дня.

Со второй половины XVI столетия, после присоединения к Российскому государству Среднего Поволжья, одной из доминант в религиозной политике стало отношение к исламу. В целом это отношение определялось общим подходом к обеспечению главенствующих позиций, приоритета православия как государственной религии. Кроме конкурентных, а также миссионерских соображений, был осознан тот факт, что приверженцы мусульманской веры духовную опору в своей борьбе за утраченную независимость находили именно в исламе. Отсюда, как представляется, проистекали длительные и настойчивые усилия светской и духовной властей страны по распространению православия среди мусульман, вошедших в состав России, которые на протяжении большого исторического периода реализовывались в форме насаждения этой религии. Впрочем, с такой же практикой столкнулись язычники, которых было немало среди присоединенных народов.

По прошествии двух столетий под влиянием целой совокупности факторов государство пошло на изменение традиционного подхода к религиозному вопросу, итогом чего стал переход к политике веротерпимости.

Очевидно, что без взвешенного, тщательного изучения этих многочисленных и драматических страниц отечественной истории историография России соответствующего периода не может быть полноценной, а обращение к ним способствует созданию важных предпосылок для ее развития. В условиях продолжающегося переосмысления прошлого России, ее народов в направлении, определяемом вектором объективности, научности, такая задача становится чрезвычайно актуальной.

О ее назревшем характере свидетельствует и то, что в историографии проблемы продолжают воспроизводиться старые ошибки, необъективные суждения, мифы, заимствованные из миссионерской

литературы и исторической публицистики, а также тиражируются новые легенды. Такая ситуация во многом является следствием недостаточной научной разработки многих проблем истории религиозной политики Российского государства, истории христианизации нерусских народов России. Отметим, например, что нередко верующие татары характеризуются только как мусульмане. Между тем, существует довольно значительный слой крещеных татар, что порождает существование межрелигиозной, межкультурной проблематики внутри татарского общества, требующей исторически грамотного, корректного объяснения.

Значимыми и востребованными являются уроки, заключенные в религиозной политике Российского государства, в том числе в ее региональных проявлениях. Во-первых, это урок необходимости и продуктивности мирного сосуществования и взаимодействия представленных в данном социуме конфессий. Во-вторых, урок необходимости и продуктивности корректных действий государства в духовно-религиозной сфере, уважительного отношения ко всем религиям, исторической неэффективности государственного патронажа какой-либо одной религии. Так, например, объективный анализ процесса массовой христианизации татарского народа, предпринятый в середине XVIII в., ее итогов и последствий не дает оснований для выдвижения, а тем более реализации идей, касающихся изменения статуса православия и превращения его в официальную государственную религию в поликонфессиональном обществе. Известно, однако, что некоторые современные российские политики предлагают подобного рода проекты, а православной церкви официальные власти сегодня оказывают определенное покровительство. В-третьих, урок толерантности, которая стала результатом переосмысления в 70-е гг. XVIII в. традиционной религиозной политики государства и которая создает основу для плодотворного и столь необходимого межконфессионального и межкультурного диалога. Для России, в которой, согласно ряду исследований последних лет, общий уровень толерантности значительно ниже, чем в странах развитой демократии, и имеет неблагоприятную тенденцию снижения, усвоение данного урока представляется весьма актуальным. Таков практический интерес изучения темы для развития историографии. Кроме того, изучение истории становления веротерпимости, межконфессиональных контактов, вызванных ими мировоззренческих, культурных и социально-экономических изменений представляет самостоятельную научную ценность.

Основная исследовательская проблематика. Необходимым условием любого исторического исследования является формирование соответствующей его объекту, предмету, целям и задачам источниковой базы. В данном случае при ее формировании учитыва-

лось, что в предшествующей историографии был мобилизован информативный потенциал далеко не всех документов и материалов по истории религиозной политики Российского государства XVIII в. и ее реализации в Волго-Уральском регионе. Часть источников давно вошла в научный оборот и активно в нем используется. По разным причинам другая часть осталась вне поля зрения исследователей, хотя давно опубликована. До сих пор недостаточно привлекаются материалы, хранящиеся в региональных и центральных архивах. Поиск новых документов, систематизация, классификация источников, оценка их значения для раскрытия темы – все это составило важный сектор исследовательского поля.

Составной частью исследовательской проблематики стало определение степени изученности темы. В дореволюционной историографии религиозная политика Российского государства в XVIII в., история взаимодействия православия и других вероисповеданий, прежде всего ислама, христианизации присоединенных нерусских народов России не получила целостного, монографического освещения. Все это не исключало исследования отдельных направлений данной политики, отдельных сюжетов темы по ряду исторических периодов. В советской историографии тема была не актуальной, хотя отчасти и продолжала разрабатываться. Зарубежные исследователи, проявлявшие к ней интерес, не имели возможности работать в архивах.

В целом имеющуюся историографическую картину можно охарактеризовать как фрагментарную, мозаичную и имеющую по ряду существенных вопросов взаимоисключающие интерпретации и оценки. Причины таких расхождений, полученные научные результаты, основные тенденции в разработке темы, продуктивные исследовательские подходы также рассматривались нами в качестве предпосылок постановки и решения назревших историографических задач.

Религиозная политика Российского государства по отношению к иноверию и иноверцам на протяжении XVIII столетия, оставаясь во многом преемственной, не была лишена изменений и постепенно эволюционировала в направлении от нетерпимости к толерантности. Идеи, обуславливавшие содержание правительственного курса в духовно-религиозной сфере, факторы, предопределявшие его колебания и вызвавшие, в конечном итоге, переход к политике веротерпимости, составляют важную исследовательскую проблему.

В содержании религиозной политики Российского государства в XVIII в. и ее реализации в Волго-Уральском регионе четко прослеживаются следующие этапы: 1701-1740 гг., 1741-1761 гг., 1764-1789 гг., конец XVIII в. Определение особенностей и детерминант каждого из этих этапов, установление их места в общей системе религиозной политики потребовало постановки и разрешения самос-

тоятельных исследовательских проблем. Применительно ко второму этапу – массового крещения иноверческих народов Волго-Уральского региона – особое внимание уделялось выяснению степени влияния на количественные и качественные характеристики христианизации мер предпринимаемых властями: поощрения, принуждения, государственной поддержки новокрещенных, а применительно к третьему этапу – осмыслению межрелигиозной проблематики в работе Уложенной комиссии и роли Оренбургского духовного собрания магометанского закона.

Реакцией иноверческих народов на усилия светских и религиозных властей по их массовому крещению стало сопротивление мусульман и язычников подобной религиозной политике. В данной связи решалась еще одна исследовательская проблема, связанная с выяснением соотношения социально-экономических и собственно религиозных причин возмущения иноверцев, целей, результатов и последствий народных волнений.

Объект исследования – религиозная политика Российского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу.

Предмет исследования – деятельность российских государственных и религиозных институтов по выработке и реализации религиозной политики по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу.

Цель и задачи исследования. Основная цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выявить, проанализировать и представить основания, детерминанты, результаты и последствия деятельности российских государственных и религиозных институтов по выработке и реализации религиозной политики, а также причины ее эволюции по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу, в определенный исторический период.

Для реализации указанной цели были поставлены и решались следующие исследовательские **задачи**:

- установление соответствующих информативных возможностей сформированного корпуса источников для реконструкции деятельности российских государственных и религиозных институтов по выработке и реализации религиозной политики, определения ее периодизации, особенностей и причин эволюции по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу, в рассматриваемых хронологических рамках;

- анализ истории изучения религиозной политики Российского государства (дореволюционной, советской и современной историографии проблемы), в том числе в региональном аспекте, для установления основных научных результатов и исследовательских лакун в русле рассматриваемой темы, определение адекватного ей

методологического инструментария;

- выявление факторов формирования и изменения религиозной политики Российского государства до 1740 г.;

- представление основных особенностей и результатов массовой христианизации в 1741-1755 гг., определение значения Новокрещенской конторы как центра миссионерской деятельности православной церкви среди иноверцев;

- реконструкция процесса сопротивления мусульман и языческих народов Волго-Уральского региона христианизации как одного из факторов изменения религиозной политики Российского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу;

- определение социокультурного значения перехода к религиозной толерантности во второй половине XVIII в., главным результатом которого является закрытие Новокрещенской конторы, официальное признание ислама как терпимой религии и создание Оренбургского духовного собрания магометанского закона. Нам представляется, что решение обозначенных задач приведет к достижению поставленной цели.

Степень изученности темы. Источниковедческий и историографический анализ показал, что рассматриваемая тема получила определенную разработку в исторической литературе, которая, однако, является недостаточной. Ее историография находится в процессе формирования, пока еще не завершившемся созданием специальных, сквозных исследований по истории религиозной политики Российского государства и ее реализации в Волго-Уральском регионе в XVIII в. Это обстоятельство также стало одним из факторов, обусловившим обращение к комплексу встающих в данном контексте исследовательских проблем. Детально степень источниковой и историографической разработки темы анализируется в отдельной главе диссертации.

Хронологические рамки исследования. Основным историческим временем, в рамках которого рассматривается деятельность российских государственных и религиозных институтов по выработке и реализации религиозной политики по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу, является XVIII в. Именно в этом столетии религиозная политика Российского государства, пройдя фазу ужесточения по отношению к мусульманам и язычникам из числа присоединенных народов и фазу их массового крещения, трансформировалась в веротерпимую политику. Переход от конфронтации к толерантности, к установлению цивилизованных отношений между государством и российскими мусульманами – факт большого исторического, социокультурного значения. Между

тем при изучении XVIII в. он оставался в полутени. Исследование данного столетия в контексте религиозной политики дает возможность восполнить этот пробел.

Территориальные рамки исследования охватывают Волго-Уральский регион – один из самых многонациональных регионов России, являющийся ее уникальной культурно-исторической частью. В течение веков его населяли разные народы: угро-финские (марийцы, мордва, удмурты, коми), тюркские (татары, чуваша, башкиры), славянские (русские, украинцы), представители языческих верований, ислама и православия. Регион с X в. является самым северным исламским центром. Это зона интенсивных межэтнических, межкультурных, межрелигиозных контактов, активной миссионерской деятельности мусульманского духовенства, а позднее – и православной церкви, поддерживаемой государством. На значительной территории региона имело место движение сопротивления иноверческих народов, прежде всего мусульман, их насильственной христианизации, которое стало одним из факторов эволюции религиозной политики Российского государства.

Методологические основы исследования. Исследование базируется на принципах научности, историзма и объективности. Важнейшее место было отведено принципу историзма. Согласно этому принципу, общественные институты, явления не могут быть поняты, с одной стороны, вне связи с обстоятельствами места и времени их функционирования, с другой – вне связи с историей их возникновения и развития¹. Именно в таком ключе рассматривалась религиозная политика Российского государства, т.е. как формирующаяся, обусловленная историческими, социокультурными реалиями, традициями страны, особенностями XVIII столетия, изменяющаяся под влиянием совокупности факторов, в том числе потребностей Нового времени, имеющая региональную специфику реализации.

В процессе исследования учитывались также эвристические возможности принципов системности, целостности (всесторонности). Изучение религиозной политики Российского государства на протяжении всего XVIII в. как сложного, противоречивого, эволюционирующего феномена потребовало применения, наряду с общенаучными, специальных методов: систематизации, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического подходов.

Методологический аппарат исторической науки составляют ее основные понятия. Они организуют и систематизируют исследуемый материал, образуют исходный пункт и вместе с тем способы его истолкования². В данном исследовании основными понятиями выступают такие категории, как «христианизация», «миссионерская дея-

---

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – С. 3.

тельность церкви», «благоразумное сокрытие своей веры», «веротерпимость», «свобода совести».

Христианизация – система мер, ненасильственных и насильственных, осуществляемых светской и духовной властью для распространения христианства, увеличения числа приверженцев этой религии. В России христианизация означала распространение православия.

Миссионерство понимается как форма деятельности религиозных организаций и церквей по распространению своей веры среди приверженцев других вероисповеданий и по возвращению в лоно церкви отпавших от нее. В России миссионерство находилось под общим руководством Синода и было тесно связано с насильственной христианизацией нерусских народов.

Христианизацию татар-мусульман в XVIII в., их реакцию на деятельность миссионеров нельзя понять без знания принципа *«благоразумное сокрытие своей веры»* («ат-Такийя»), который присутствовал в исламе изначально. Ханафиты допускали возможность принятия иной веры при смертельной опасности, сделав при этом мысленную оговорку. Таким образом, мусульмане могли в аналогичной ситуации формально принять православную веру, внутренне оставаясь приверженцами ислама.

В данном исследовании *веротерпимость* трактуется как религиозная толерантность. Однако следует иметь в виду, что веротерпимость в России XVIII столетия понималась иначе, чем в настоящее время. Если для российских мусульман веротерпимость означала невмешательство государства и православной церкви в их духовно-религиозную жизнь, возможность исповедания своей веры без ограничений, то православная церковь интерпретировала ее только как возможность беспрепятственного принятия православия иноверцами, открытость православной церкви для них.

Последовательная реализация принципа веротерпимости завершается признанием *свободы совести*, которая подразумевает право человека свободно исповедовать ту или иную веру или не исповедовать никакую, совершать беспрепятственно религиозные обряды. Впервые использованный Екатериной II на совместном заседании Сената и Синода в 1763 г. термин «свобода совести» вызвал естественный протест со стороны православных иерархов. Императрица была вынуждена в дальнейших действиях в религиозной сфере учитывать это мнение, тем более в начальный период укрепления своей власти, когда она особенно нуждалась в поддержке православной церкви. Ислам, хотя и становится в конце XVIII в. «терпимой верой» в империи, однако такая терпимость была

---

² Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 4.

ограниченной, в правовом статусе ислама кардинальных изменений не произошло. Тем не менее, в настоящее время о степени веротерпимости в России продолжают дискуссии. Выдвигаются и обосновываются версии о толерантности российского общества уже в начале XVIII столетия, что не совсем точно отражает умонастроения в обществе того времени.

Цель и задачи, а также хронологический и территориальный аспекты исследования во многом определили его **научную новизну**. Настоящая работа представляет собой первый опыт комплексного, целостного изучения религиозной политики Российского государства как изменяющегося феномена и ее реализации в Волго-Уральском регионе на протяжении всего XVIII столетия. Конкретные историографические результаты исследования заключаются в следующем:

- в ходе источниковедческой работы в архиво- и книгохранилищах Казани, Санкт-Петербурга, Москвы был сформирован корпус разнообразных источников, в том числе за счет введения в научный оборот новых архивных документов, установлены их информативные возможности для определения детерминант, особенностей, динамики, тенденций эволюции религиозной политики Российского государства в XVIII в.;

- в системном виде в рамках проблемно-хронологического подхода представлена историография религиозной политики Российского государства, в том числе в региональном аспекте. Историографический анализ литературы может представлять самостоятельную ценность для исследователей внутривнутриполитической жизни России XVIII столетия, межрелигиозных отношений в стране и их эволюции в данный исторический период;

- раскрыты теоретико-познавательные возможности имеющихся в литературе подходов к исследованию религиозной политики Российского государства, обоснованы необходимость и продуктивность ее изучения в контексте многомерного, многофакторного подхода, представлен его методологический и методический инструментарий;

- показана связь религиозной политики с другими направлениями внутривнутриполитической деятельности Российского государства, выявлены факторы формирования и изменения этой политики, изучен механизм ее осуществления в Волго-Уральском регионе в исследуемый исторический период, включая такие составляющие, как управление, принятие и исполнение законов и иных актов в духовно-религиозной сфере, принуждение и поощрение к принятию православия, защита и переселение новообращенных, духовное образование новокрещенных;

- установлены основные этапы религиозной политики Россий-

ского государства в XVIII столетии (1701-1740, 1741-1761, 1764-1789, 1789 гг. до конца века), выявлены ее особенности и результаты на каждом из этих этапов. Материалы диссертационного исследования позволяют скорректировать имеющиеся историографические представления о специфике религиозной политики Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I;

- раскрыта деятельность Новокрещенской конторы, первоначально созданной с целью христианизации мусульман и язычников, обитавших на территории Казанской епархии, уточнены ее руководители и их роль;

- на примере подготовки бунта 1748 г. в Поволжье и восстания муллы Батырши Алеева в Башкортостане в 1755 г. выявлены истинные масштабы борьбы мусульман против массового крещения в различных местностях Волго-Уральского региона, сыгравшей важную роль в смягчении религиозной политики государства по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу, и в удовлетворении наиболее насущных нужд мусульман;

- определены факторы и социокультурное значение перехода Российского государства к религиозной толерантности, признания ислама в качестве «терпимой религии», роль в этом процессе Екатерины II, таких актов, как закрытие Новокрещенской конторы (1764 г.), работа мусульманских депутатов в Уложенной комиссии в (1767-1768 гг.), создание Оренбургского духовного собрания и прекращение деятельности православных проповедников среди мусульман.

Предложенные автором оценки религиозной политики государства, роли ряда выдающихся политических и религиозных деятелей, работы Новокрещенской конторы как центра христианизации народов Волго-Уральского региона, православных миссионеров среди мусульман и язычников несколько отличаются от сложившихся в историографии. Надо полагать, они будут способствовать пересмотру привычных стереотипов, новому прочтению важных страниц истории России и ее народов в XVIII столетии.

Практическая значимость исследования. Светский характер современного Российского государства не означает его самоустрашение из сферы регулирования межрелигиозных отношений, поскольку социум остается поликонфессиональным. Сама религиозная политика в новых исторических условиях, скорее всего, должна осуществляться по линии государство – гражданское общество. Однако очевидно, что выработка линии такой политики, претендующей на эффективность, не может быть успешной без восприятия исторического опыта, без извлечения из него соответствующих уроков, богатыми на которые оказалось XVIII столетие. Как уже отмечалось,

в стране все более актуализируется проблема формирования веротерпимости, толерантного сознания.

Материалы и выводы данной работы могут быть использованы при создании учебников, учебных пособий, энциклопедических изданий по истории России XVIII столетия, по истории татарского и других народов Волго-Уральского региона, фундаментальных исследований по истории межрелигиозных отношений.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Отечества до XX века исторического факультета Казанского государственного университета. Основные положения диссертации отражены в публикациях автора общим объемом более 60 п.л., в т.ч. в 4 монографиях (см. библиографическую справку в конце автореферата). Различные аспекты исследования были изложены автором на международных, всероссийских и региональных научных конференциях.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации – 368 страниц. Список использованных источников и литературы включает более 500 названий архивных материалов и опубликованных работ.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность исследования, основная исследовательская проблематика темы, указаны цели и задачи, определены новизна, объект, предмет, методология исследования, хронологические и географические рамки, научная и практическая значимость диссертации.

В первой главе «Религиозная политика в источниках и литературе» охарактеризована источниковая база диссертации, дан историографический обзор. Как показал источниковедческий анализ, в процессе выработки и реализации религиозной политики Российского государства в Волго-Уральском регионе сформировался корпус важных для исследователя опубликованных и неопубликованных письменных источников. Эти источники различаются по своему происхождению, содержанию и информативности. В совокупности следует выделить несколько групп источников: 1. Законодательные акты и распоряжения центральных светской и духовной властей; 2. Материалы делопроизводства центральных и местных органов государственной власти и церковного управления, официальная переписка; 3. Материалы учета населения, статистика; 4. Публицистика, проповеди религиозных деятелей; 5. Документы личного происхождения: письма, дневники, воспоминания современников. Определенную историческую информацию по ряду аспектов исследуемой проблемы содержат в себе устные источники. В данном случае речь идет о татарских легендах и сказаниях, родословных.

Источниковедческий анализ показал, с одной стороны, возможность формирования источниковой базы исследования в установленных географических и хронологических рамках, с другой – необходимость целенаправленных усилий по созданию такой базы. Выявленные из числа опубликованных и впервые вводимые в научный оборот документы представляют собой хотя и многочисленные, но разрозненные источники с разным информативным потенциалом и разной степенью достоверности и полноты соответствующих сведений.

Базовое значение имеют источники, опубликованные в «Полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи» и в «Полном собрании законов Российской империи». Будучи по своему происхождению актами органов государственной власти, они, как никакие другие документы, характеризуют именно политику Российского государства. Находящиеся в предметном поле данного исследования документы содержат информацию, касающуюся правового статуса религий, миссионерской деятельности православной церкви среди иноверцев, методов массовой христианизации нерусских народов Волго-

Уральского региона. На их основе можно реконструировать процесс формирования религиозной политики государства по отношению к исламу и мусульманам, имевшей в каждое царствование XVIII столетия свое содержание, преемственность, ужесточение и смягчение этой политики, ее общую эволюцию от нетерпимости к определенной толерантности.

С учетом значимости в структуре органов государственной власти России XVIII столетия Сената и Синода, сосредоточения в их ведении многих важных дел, в том числе касающихся проблем религиозной политики, носителями важной информации являются соответствующие источники, опубликованные в таких изданиях, как «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода», «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», «Сенатский архив». Документы первого издания дают дополнительные сведения по истории религиозной политики России в XVIII в., истории исламско-христианских взаимоотношений, позволяют уточнить содержание и характер решений органов государственной власти в отношении иноверия. Материалы двух других изданий, наряду с конкретной информацией о крещении мурз и служилых татар, включают в себе сведения об изменениях в религиозной политике государства, о сопротивлении населения Волго-Уральского региона против его массового обращения в христианство в середине XVIII в.

Из изданий документов общероссийского масштаба важное значение имеет «Сборник Русского исторического общества», в котором опубликованы основные материалы Уложенной комиссии. Они содержат интересные сведения о положении российских мусульман, их духовно-религиозных потребностях и проблемах, их отношении к политике властей в сфере межрелигиозных отношений.

Региональный контекст религиозной политики Российского государства воспроизводят сборники документов по истории Башкирской, Татарской и Мордовской АССР.

Выявлению общих черт и особенностей религиозной политики государства, диктуемой другими направлениями внутривластной деятельности, ролью православия как государственной религии и интерпретацией этой роли, рациональными и эмоциональными факторами, в том числе отношением к иноверию и иноверцам, способствует литературное наследие российских правителей, государственных деятелей, публицистов, проповедников XVIII в. Источниковедческий анализ показал большие информативные возможности в этом отношении документов, авторами которых являются Петр I, Екатерина II, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.И. Неплюев, Д.Б. Мертваго, Феофан Прокопович, Димитрий Сеченов и ряда других идеологов и проводников

религиозной политики. Взгляд со стороны на эти вопросы фиксируют наблюдения иностранных мемуаристов Г. Седерберга, Рондо, И. Потоцкого, Л.Ф. Сегюр.

Важную, но в целом дополнительную информацию содержит статистика крещения, а также материалы академических экспедиций XVIII столетия. Такой же характер имеют новые документы, выявленные нами в ряде архивных фондов Российского государственного архива древних актов (Ф.248, Ф.7, Ф.342, Ф.350), Российского государственного исторического архива (Ф.796), Национального архива Республики Татарстан (Ф.3, Ф.4, Ф.10, Ф.1203).

Из проведенного источниковедческого анализа следует еще один важный вывод. Суть его заключается в том, что лишь комплексное изучение различных источников, их многоаспектное прочтение открывают возможность реконструкции религиозной политики Российского государства в XVIII столетии и ее осуществления в Волго-Уральском регионе с необходимой полнотой и достаточной достоверностью.

За почти двухвековую историю изучения религиозной политики Российского государства и ее реализации в Волго-Уральском регионе создана значительная **литература**. В ней следует выделить труды, носящие общий характер, но содержащие материал по историографии проблемы, и труды, непосредственно составляющие эту историографию.

К первой группе работ нами отнесена литература по истории православия и ислама и соответствующих религиозных институтов. Историографический анализ показывает, что религиозная политика Российского государства, практика ее осуществления в различных регионах России, в том числе в Волго-Уральском регионе, не находились на периферии исследовательского интереса. Об этом свидетельствуют многочисленные работы по истории православия, ислама и соответствующих религиозных институтов и труды собственно по истории данной политики, точнее, по ее различным аспектам.

Историография проблемы формировалась в течение длительного времени и к настоящему времени представляет собой многоаспектную часть российской исторической науки. Она начала складываться на рубеже 40-50-х гг. XIX столетия и в русле заложенных традиций развивалась до событий 1917 г. Таковы хронологические рамки ее первого периода. Второй период охватывает время после 1917 г. и до конца 80-х гг. XX в. Современный период начался в конце 80-х гг. XX в. и продолжается по настоящее время.

Несмотря на значительные качественные различия каждого периода, вместе они представляют определенную историографическую целостность, обладающую внутренним единством, с точки зрения осваиваемого исследовательского пространства, его

предметного наполнения, большинства используемых интерпретаций и получаемых научных результатов. Каждому периоду присущи определенные достижения и недостатки, историографические подходы и приоритеты, а также штампы и мифы. Так, в рамках первого периода в литературе по истории православной церкви довольно подробно рассмотрена ее миссионерская деятельность, получили отражение вопросы отношения православия, православного государства к «инаковерующим и инаковерию»³. Были определены основные субъекты христианизации – правительство и государственные деятели, церковные учреждения и иерархи, отдельные энтузиасты и проповедники, установлена ее правовая база, проанализирована религиозная политика Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II⁴, созданы описания распространения православия среди ряда иноверческих народов Волго-Уральского региона, некоторых других этнических групп⁵. Исследователи обращают внимание на трудности, встававшие на пути миссионеров в Поволжье, особенно в среде татар-мусульман, на сопротивление, оказываемое процессу насаждения православия, на стремление главных субъектов христианизации – государства и православной церкви – не только обратить иноверцев в православие, но и удержать их в новой вере, в том числе посредством системы религиозного образования новокрещеных⁶. Предметом изучения стала идея о веротерпимости⁷.

---

³ См.: Муравьев А.Н. История российской церкви / А.Н. Муравьев. – СПб.: Тип. II-го отд. С.Е.И.В. канцелярии, 1845; Филарет (Гумилевский Д.Г.). История русской церкви: в 5 пер. Изд. 4 / Филарет (Д.Г. Гумилевский). – М.: Тип. Готье и Монигетти, 1859. – Пер. V; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви: в 4 вып. – М.: Унив. тип., 1893. – Вып. 4. – Синодальный период. 1700-1890; Знаменский П.В. История Русской церкви: учеб. руководство. Изд. 9, испр. / П.В. Знаменский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.

⁴ См.: Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви / Б.В. Титлинов. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1905; Вейдемейр А. Царствование Елисаветы Петровны: в 2 ч. / А. Вейдемейр. – СПб.: Тип. внеш. торговли, 1834; Костомаров Н. Императрица Елисавета Петровна: ист. очерк / Н. Костомаров. – Б/м., б/г. и др.

⁵ См.: Луппов П. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. 2-е изд, исп. и доп. / П. Луппов. – Вятка: Скоропечатная тип.-литогр. Н.А. Огородникова, 1901; Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII веках: ист. очерк / Н.В. Никольский. – Казань: Тип.-литогр. Имп. ун-та, 1912; Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен: в 2 ч. / Гурий (Степанов). – Казань: Цент. тип., 1915 – Ч. 1; Беляев И. Русская миссия на окраинах: ист.-этногр. очерк. – СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1900 и др.

⁶ См.: Износков И. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии: ист. очерк / И. Износков. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909; Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П.В. Знаменский. – СПб.: Летний сад: Коло, 2001; Харлампович К. Казанские

В рамках второго периода была сформулирована проблема беспрецедентного характера внешнего и внутреннего миссионерства русской православной церкви, активность которой стала одним из факторов широкого распространения христианства среди нерусских народов России⁸. Было отмечено усиление христианизации народов Среднего Поволжья в первой половине XVIII столетия, рассмотренное, правда, как ответ на повышение активности мусульманских миссионеров⁹; в контексте широкомасштабной христианизации нерусских народов Поволжья анализировалось их переселенческое движение в Оренбургскую губернию и Башкирию в XVIII в.¹⁰ Получила развитие традиция изучения татар-кряшен¹¹. Вместе с тем историографическим фактом стали утверждения, согласно которым тезис о преследовании самодержавной властью России ислама был лишен каких-либо исторических оснований, а веротерпимость к нехристианским конфессиям объявлялась традиционной для России религиозной практикой.

В рамках третьего периода был сформулирован новый взгляд на старую проблему¹², произошла активизация региональной науки,

---

новокрещенские школы: К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в. / К. Харлампович. – Казань: Тип.-литогр. Ун-та, 1905 и др.

⁷ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898; он же. История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. – М.: Наука, 1990.

⁸ См.: Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. / И.И. Огрызко. – Л.: Изд-во Наркомпроса РСФСР, Ленингр. отд., 1941; Григорьев Н.А. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии / Н.А. Григорьев // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып. 1. – С. 226-285; Кудряшов Г.Е. Православная христианизация нерусских народов (на примере Среднего Поволжья и Приуралья) / Г.Е. Кудряшов // Вопросы научного атеизма. – М., 1980. – Вып. 25. – С. 151-169; Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар / Г.С. Губайдуллин // Материалы по изучению Татарстана. – Казань, 1925. – Вып. 2. – С. 71-112 и др.

⁹ См.: Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII в. (до крестьянской войны 1773-1775 гг. / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959.

¹⁰ См.: Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения / У.Х. Рахматуллин. – М.: Наука, 1988; Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав / В.М. Кабузан. – М., Наука, 1990 и др.

¹¹ См.: Воробьев Н.И. Кряшены и татары: Некоторые данные по сравнительной характеристике быта / Н.И. Воробьев. – Казань: Тип. Совнаркома, 1929; он же. Казанские татары. – Казань: Татгосиздат, 1953; Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены: историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX-начало XX в. / Ю.Г. Мухаметшин. – М.: Наука, 1977 и др.

¹² См.: Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривластного курса: дис. ...д-ра ист. наук/ Н.Н.

представители которой подготовили исследования по истории миссионерской деятельности православной церкви в целом ряде российских регионов¹³, истории кряшен¹⁴, рассмотрели эволюцию государственной религиозной политики по отношению к исламу¹⁵, бывшего на протяжении более двух столетий гонимой религией, а также

Петрухинцев. – М., 2001; Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: дис. ...д-ра ист. наук / Ю.А. Сорокин. – Омск, 1999; Каменский А.Б. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа: дис. ...д-ра ист. наук / А.Б. Каменский. – М., 1998; Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997; она же. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века): дис. ...д-ра ист. наук. – Казань, 1998; она же. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002 и др.

¹³ См.: Загидуллин И.К. Христианизация татар Среднего Поволжья во второй половине XVI-XVII вв. / И.К. Загидуллин // Гыйльми язмалар-Ученые записки Татарского гуманитарного института. – 1997. – № 1. – С. 111-165; Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости / Ф.Г. Ислаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001; Гилязов И.А. Политика христианизации народов Среднего Поволжья в XVI-XVII вв. в западной историографии / И.А. Гилязов // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. – Казань, 1993. – Ч. 2. – С. 159-162; он же. Политика царизма по отношению к татарам Среднего Поволжья во 2-й пол. XVI-XVIII вв. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 243-256; Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства / С. Еникеев. – Уфа: Гилем, 1999; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана / И.Р. Тагиров. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000; Макурина В.В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX-начале XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук / В.В. Макурина. – СПб., 2002; Расова Н.В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Алтае в XIX-нач. XX в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Н.В. Расова. – Новосибирск, 2002.; Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Сев. Кавказе в XIX-нач. XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук / С.А. Раздольский. – Краснодар, 1997 и др.

¹⁴ См.: Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона / Д.М. Исхаков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993; он же. Введение в историческую демографию татарского народа. – Казань: Фонд М. Султан-Галиева, 1993; он же. Историческая демография татарского народа (XVIII-нач. XX вв.) – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993; он же. Этническое развитие волго-уральских татар в XV-начале XX вв.: дис. в виде науч. докл. ...д-ра ист. наук. – М., 2000; Молькеевские кряшены: сб. ст. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993; Нагайбаки: сб. ст. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995; Татары. – М.: Наука, 2001.

¹⁵ См.: Мифтахутдинова Д.Ш. Эволюция политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая пол. XVI-начало XX вв.): дис. ...канд. ист. наук / Д.Ш. Мифтахутдинова. – Казань, 1999; Гарипов Н.К. Политика российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII-начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Н.К. Гарипов. – Казань, 2002 и др.

правовой статус татар в России XVI-XVIII вв.¹⁶ Постановке значимых исследовательских задач и утверждению адекватных историографических оценок способствовали работы ряда зарубежных авторов¹⁷. Одновременно были выдвинуты тезисы о неприятии государством и церковью русификации инородцев, о религиозной толерантности Петра I, в зарубежной историографии – о толерантности Российского государства по отношению к татарам.

Таким образом, в процессе историографического анализа был выявлен целый ряд не только дискуссионных, но и недостаточно разработанных вопросов, затрагивающих сущность, характер и направленность религиозной политики Российского государства, ее особенности в различных регионах страны, в том числе в Волго-Уральском регионе, специфику отношения властей к конкретным этническим группам. Хронологические лакуны, доминирующая локальность тематики, наличие множества отдельных и не связанных в итоге сюжетов в огромной степени обусловили отсутствие целостного изложения эволюции этой политики на протяжении всего XVIII столетия в Волго-Уральском регионе, ее своеобразия в рамках данного исторического времени и данного исторического пространства. Предпринятое исследование призвано способствовать разрешению вопросов, поставленных на повестку дня самим ходом развития историографии.

Во второй главе «Ужесточение религиозной политики по отношению к иноверию в 1701-1740 гг.» рассматриваются проблемы религиозной политики Петра I и Анны Иоанновны. Изучение религиозной политики Российского государства в первой четверти XVIII столетия и практики ее реализации в Волго-Уральском регионе показывает, что в рассматриваемый период она представляла собой

---

¹⁶ См.: Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI-XVIII вв. / А.И. Ногманов. – Казань: Фэн, 2002.

¹⁷ См.: Беннигсен А. Мусульмане в СССР / А. Беннигсен // Панорама-Форум. – 1995. – № 2. – С. 80-81; Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993; Мадариага Исабель Де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И.д. Мадариага. – М.: Новое литер. обозрение, 2002; Rorlich A.-A. The Volga Tatars. A Profile in National Reiliens / A.-A. Rorlich. – Stanford, 1986; Khodarkovsky M. «Not by Word Alone» Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia / M. Khodarkovsky // Comparative studies in society and History. – 1996. – Vol. 38. – № 2. – P. 267-293; Kemper M. Sufies und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889. Der Islamische Diskurs unter russischer Herrschaft / M. Kemper. – Berlin, 1998; Каппелер А. Россий – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. – М.: Традиция-Прогресс-Традиция, 2000; он же. Две традиции в отношениях России с мусульманскими народами Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 129-135 и др.

преемственный и одновременно самостоятельный этап правительственного курса по отношению к неправославным вероисповеданиям. Преемственность определялась, прежде всего, стратегической целью – христианизацией нерусских народов, отчасти методами ее осуществления в условиях обеспечения приоритета православия как государственной религии (и как желаемого духовного интегратора) политэтнической и поликультурной страны и отсутствия религиозной толерантности. Относительная самостоятельность этого этапа связана, во-первых, с гораздо более активным участием светской власти в разработке и проведении религиозной политики, с активизацией светской власти как субъекта политики христианизации; во-вторых, с постановкой гораздо более масштабных задач, направленных на смену религиозной идентичности иноверческих (нерусских) народов; в-третьих, с попыткой их радикального и скоротечного решения в Волго-Уральском регионе по отношению к мусульманам, со своего рода кавалерийской атакой на ислам; в четвертых, с постепенным переходом к сочетанию принуждения и поощрения к принятию православия, т.е. к формирующейся политике «кнута и пряника» в религиозном вопросе; в-пятых, с дифференциацией этих мер в среде служилого и податного сословий татарского общества. В целом в религиозной политике первой четверти XVIII столетия произошел поворот, означавший в конечном счете ее ужесточение по отношению к неправославным вероисповеданиям, прежде всего к исламу.

Активные и масштабные усилия, направленные на смену религиозной идентичности иноверцев, детерминировались комплексом факторов – внешних и внутренних, идеологических и социокультурных, конъюнктурных и цивилизационных, той системой ценностей, которых придерживалась светская и духовная власть, пониманием ею своей миссии в стране и христианском мире, а также стремлением ответить на вызовы Нового времени. Очевидно, линия на ужесточение религиозной политики по отношению к иноверию не была безальтернативной, однако существовавшие традиции и настроения создавали почву для ее выработки, принятия и реализации.

В формировании и осуществлении религиозной политики первой четверти XVIII столетия роль и функции светской и духовной власти различались. Разработкой идеологии православного просветительства, идей и решений, активизирующих христианизацию, придающих этому процессу не только принудительный, насильственный характер, занимались представители православного духовенства (Феофан Прокопович, патриарх Адриан, митрополит Тихон). Православное же духовенство осуществляло непосредственную миссионерскую деятельность (Алексий Раифский и др.). Светская власть воплощала иницируемые духовенством решения по вопросам религиозной политики, в том числе на региональном уровне, в

законодательные акты, обеспечивала финансовую поддержку миссионерской деятельности. Этот механизм в рассматриваемый период, как свидетельствуют данные об обращении в новую веру нерусских народов Волго-Уральского региона, действовал без серьезных сбоев, но и не давал ожидаемых властями результатов. Ситуация требовала новых решений, которые должны были предложить преемники Петра I.

Деятельность правительства Анны Иоанновны в сфере, связанной с отношением к иноверию и иноверцам, стала своего рода продолжением соответствующего правительственного курса Петра I. Однако она не была его бледной копией или «вторым изданием» яркого оригинала. В главном ее характеризовали все та же стратегическая установка, практические усилия по христианизации нерусских народов России, отсутствие веротерпимости и особо негативное отношение к исламу. Первая четверть и 30-40-е гг. XVIII столетия вместе составили этап ужесточения религиозной политики по отношению к иноверию.

Вместе с тем религиозную политику правительства Анны Иоанновны отличает ряд особенностей, в том числе в региональном ее аспекте. Во-первых, были созданы организационные механизмы реализации этой политики (создание Новокрещенской конторы, а также департамента духовных дел в Сенате). Во-вторых, расширена ее география, наряду с «традиционными объектами» – населением Среднего Поволжья и Башкирии – в сферу активной миссионерской деятельности были включены территории, населенные калмыками, а затем и все регионы с иноверческим населением в рамках границ России того времени. В-третьих, центр выработки предложений, направленных на активизацию и повышение результативности усилий по смене религиозной идентичности нерусских народов России, переместился в Казанскую епархию, где была основана и базировалась специальная миссионерская организация. В-четвертых, особый акцент был сделан на удержании новокрещеных в православной вере. В-пятых, программы действий по христианизации постоянно дополнялись новыми решениями, которые охватывали собой ранее не предусматривавшиеся и не контролировавшиеся вопросы: семейно-брачных отношений новокрещеных и крещеных, расселения и раздельного проживания крещеных и некрещеных, подготовки церковнослужителей из среды иноверческих народов и др.

Общим итогом всех этих нововведений стала возросшая результативность миссионерской деятельности. Это в определенной мере характеризует потенциал идеологов, организаторов и проводников религиозной политики 30-40-х гг. XVIII столетия. Их усилиями, прежде всего руководителей Новокрещенской конторы, были соз-

даны предпосылки для осуществления массовой христианизации присоединенных нерусских народов России, развернутой программой и законодательной базой которой стал указ Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г.

В третьей главе «Христианизация иноверцев в Волго-Уральском регионе в 1741-1755 гг.» рассматриваются различные вопросы христианизации, миграционные процессы и деятельность новокрещенских школ. Проведенный анализ показал, что период 1741-1755 гг. в рассматриваемом контексте стал временем осуществления массовой христианизации иноверцев Волго-Уральского региона. Она явилась итоговым результатом, с одной стороны, религиозной политики предшествующего периода, с другой – особо последовательных, комплексных и настойчивых усилий государственных и религиозных институтов, направленных на обеспечение смены религиозной идентичности присоединенных народов России и укрепление позиций православия. Это был апогей и триумф православного миссионерства в иноверческой среде, никогда прежде не добивавшегося столь больших успехов в реализации своей цели.

Реализация комплекса мер, направленных на обеспечение массовой христианизации иноверческих народов Волго-Уральского региона дала свои результаты. Всего за пятнадцать лет этой кампании (1741-1755 гг.) было крещено 335 789 человек, в среднем по 22 386 человек ежегодно. Если исключить 1744 г., то можно считать, что процесс христианизации характеризовался восходящей динамикой, достигнув своего максимума в 1747 г. Затем количество крещеных начинает снижаться, хотя остается еще достаточно большим.

Несколько иная тенденция наблюдается в статистике крещения татар. Фактически до 1747 г. они оставались в целом в рамках исламской религиозной идентичности: среди них число принявших православие с 1741 г. составляло 713 человек. Но с 1747 г., на волне пика крещения языческих народов Волго-Уральского региона, число крещеных среди татар начинает заметно расти, достигнув своеобразного максимума в 1749 г., когда было крещено более двух тысяч татар. Затем число крещеных татар также постепенно снижается, но остается достаточно большим. За 1748-1755 гг. было крещено 9 648 татар (в среднем более 1200 человек в год).

Как свидетельствует анализ этнического состава крещеных, за рассматриваемый период в православие было обращено больше всего чувашей (178 130). Гораздо меньше крещеных было среди марийцев (58 729), мордвы (40 668) и вотяков (36 505), менее всего – среди татар (10732). Основными уездами христианизации мусульман и языческих народов стали Казанский, Свияжский, Симбирский, уезды. Центром миссионерской деятельности в Волго-Уральском регионе в годы массовой христианизации продолжал

оставаться Свияжский Богородицкий монастырь. Сюда для принятия крещения из Казанской, Астраханской, Нижегородской, Воронежской губерний ежедневно приходило по 20-30, иногда и по 100 и более иноверцев, пожелавших принять православную веру, которые получали питание из монастырских запасов.

В динамике массовой христианизации может быть выделен период 1750-1755 гг. В первой половине 50-х гг. XVIII столетия количество крещеных начало постепенно снижаться. За 1750-1755 гг. было крещено 45946 человек, в среднем в год по 7657 человек. На первом месте по количеству крещеных оказались вотяки, на втором – марийцы, на третьем – чуваша. Количество крещеных татар также остается относительно стабильными и составляет около одной тысячи человек в год. К тому времени значительная часть языческого населения Волго-Уральского региона была крещена, главное внимание миссионеры, наряду с вотяками, стали уделять христианизации татар-мусульман. Возможно, именно этим обстоятельством можно объяснить резкое увеличение количества крещеных татар в 1754 г. Однако под влиянием восстания Батырши в 1755 г. наблюдается новое, почти двукратное снижение числа крещеных среди татар. Основным районом крещения татар продолжает оставаться Казанская епархия. В Нижегородской епархии за 1750-1754 гг. было крещено всего 35 татар.

В арсенале средств побуждения, понуждения и принуждения к принятию православия оказались меры экономические (налоговые льготы), социальные (льготы по освобождению от рекрутской повинности, освобождение «от холопства и крестьянства», уголовной ответственности), административные (неоднократные решения о разрушении мечетей, затем о приостановке их сноса и об ограничении строительства мечетей нормой в 200-300 дворов), организационные (создание новокрещенских приходов, жесткий контроль за религиозным состоянием обращенных в православие), финансовые (выдача премий новокрещеным, приобретение для них крестов, икон и т.д.). Это был не случайный набор разрозненных и разовых мероприятий, а определенная взаимосвязанная и эволюционирующая под воздействием меняющейся ситуации система. Легитимность и основательность кампании массовой христианизации придавало широкое использование законодательных механизмов, в чем прежде всего проявилось организующее, обеспечивающее участие государства в процессе массовой христианизации. Собственно просветительская деятельность православной церкви занимала во всей этой системе весьма скромное место и не отличалась заметной эффективностью. Даже в усилиях по укреплению новообращенных в православной вере упор делался на строительстве церквей в селениях новокрещеных.

В рамках политики массовой христианизации нерусских народов Волго-Уральского региона вырабатывались и осуществлялись специальные меры по переселению и защите новокрещенных и иноверцев. Самую активную и доминирующую роль в их принятии и реализации играли институты светской власти. Это указывает, во-первых, на формирование новых противоречий в среде нерусского населения региона, их остроту и глубину; во-вторых, на совпадение интересов государства и православной церкви в ее миссионерской деятельности; в третьих, на комплексный характер политики христианизации времен правления Елизаветы Петровны.

Следствием и результатом переселенческой политики, преследовавшей целью обеспечение смены религиозной идентичности российских иноверцев, были не только разнонаправленные миграционные потоки на обширном пространстве региона и за его пределами. В ряде мест происходило изменение этнодемографической ситуации, формировались новые этноконфессиональные группы, новые духовные центры мусульман, а также шел процесс русификации. Параллельно начиналось широкое взаимодействие различных бытовых, хозяйственных укладов, образов жизни, ценностей, носителями которых являлись новые и старые поселенцы, волею государственной власти оказавшиеся в пределах одного населенного пункта. В то же время новокрещенные переселенцы создали предпосылки для возвращения ранее крещеных татар в ислам, движение которых отмечалось на всем протяжении XIX в. Социокультурное значение этих исторических феноменов нуждается в глубоком дополнительном осмыслении.

Организация и деятельность новокрещенских школ составляли органическую часть усилий светской и духовной властей России по христианизации нерусских народов Волго-Уральского региона. Священники из местного нерусского населения должны были способствовать переходу иноверцев в православие и укреплению их в новой вере. Тем самым смена религиозной идентичности могла стать необратимой, что в конечном счете и обеспечивало успех миссионерского дела.

В рамках политики массовой христианизации новокрещенские школы имели несколько отличную от общей кампании динамику развития: решения об их создании были приняты раньше начала этой кампании, наибольшее число таких школ и обучавшихся в них отмечалось на ее исходе, а закрыты они были в конце XVIII столетия, в условиях фактического прекращения миссионерства среди нерусских народов Волго-Уральского региона. Однако сама идея рекрутирования помощников в иноверческой среде, подготовки православных священников из числа иноверцев для работы среди нерусского населения в практике миссионерства была сохранена.

Ее осуществлением стала заниматься Казанская духовная академия.

Комплектование новокрещенских школ, как и их размещение, не носило произвольного, случайного характера. В этой области реализовывались меры, направленные на рекрутирование в состав православного духовенства представителей всех нерусских народов Волго-Уральского региона. Более того, этнический состав слушателей школ формировался с учетом степени результативности политики массовой христианизации. Как правило, большему числу учащихся новокрещенских школ соответствовал наибольший удельный вес обращенных в православие.

Опыт в области организации и деятельности новокрещенских школ не следует ограничивать рамками религиозной политики Российского государства в XVIII столетии. Объективно он открывал возможности для более широких этнокультурных контактов, правда, при доминировании и приоритете русской культуры, имевшей в контексте миссионерства преимущественно не светский характер.

Четвертая глава «Движение сопротивления против духовного насилия» посвящена анализу сопротивления мусульманского населения России духовному насилию, борьбы мусульман за исламскую веру. Формы такого сопротивления были самыми разнообразными и диктовались местными условиями. Случаи активного противодействия крещению зафиксированы во многих регионах с татарским населением. Наиболее активной эта борьба отмечена дважды – в 1748 г. и 1755 г.

В ответ на усиление принудительных мер христианизации татарского мусульманского населения в различных регионах России готовился бунт, намеченный на масленицу 1748 г. и направленный, главным образом, против новокрещеных. Основные требования татар-мусульман – отказ от уплаты дополнительных налогов, рекрутских сборов, поставок лошадей в русскую армию за новокрещеных и лашманской повинности. Протестовать намеревались жители 18 деревень Казанского уезда Ногайской и Зюрейской дорог в тесной связи с Казанскими слободскими татарами и татарами Кунгурского уезда, чувашами Уфимского уезда. Подготовленный мятеж татар-мусульман не состоялся по причине предостережения губернских властей о готовящемся выступлении и энергичных действиях губернатора и военных. Принятые военные меры не могли снять напряженность, возникшую между теми, кто оставался верным религии предков, и теми, кто, не устояв перед насилием, принял крещение. Однако из результатов расследования данного дела следует, что ни сенат, ни губернская канцелярия не смогли или не захотели выяснить подлинные причины недовольства мусульманского населения, связанные с последовательно проводимой политикой массовой христианизации иноверческих народов

Российской империи. Причины не были устранены и сохранялась вероятность новых мятежей в случае продолжения дискриминационной политики в отношении мусульманского населения в будущем.

Изучение восстания 1755 г. под руководством муллы Батырши показывает, что оно явилось новой ступенью в процессе сопротивления иноверцев Волго-Уральского региона политике принудительной христианизации. Религиозные мотивы заняли в нем гораздо большее место, чем в волнениях 40-х гг. Это восстание, активная фаза которого была довольно непродолжительной, охватило значительную территорию (большая часть Оренбургской губернии), имело более широкую этническую основу (татары, тептяри, башкиры, казахи) и гораздо более серьезные последствия – непосредственные и отдаленные – для мусульманского населения региона. Под влиянием бунта правительство пошло на некоторые уступки в отношении тех слоев нерусских народов края, которые сохранили прежнюю религиозную идентичность: было отменено переселение некрещеных татар, живущих с крещеными в одних деревнях, прекращено взыскание с иноверцев дополнительных налогов за новокрещеных, новых нарядов рекрут, а активные организаторы массовой христианизации (тобольский митрополит Сильвестр Гловацкий и казанский архиерей Лука Канашевич) переведены в другие места.

Это были первые реальные шаги на пути изменения религиозной политики Российского государства в сторону ее либерализации.

В пятой главе «Религиозная политика во второй половине XVIII века» основное внимание уделяется эволюции религиозной политики: завершению массового крещения, обсуждению религиозных проблем в Уложенной комиссии, учреждению Оренбургского духовного собрания и деятельности первого муфтия Мухамеджана Хусаинова.

К началу 60-х гг. XVIII в. процесс массовой христианизации иноверцев Волго-Уральского региона объективно подошел к своему завершению. Об этом свидетельствовали нисходящая динамика темпов и численности обращенных в православие и решение о закрытии Новокрещенской конторы.

За тридцать с небольшим лет деятельности Новокрещенской конторы из числа нерусских народов Поволжья и Приуралья в православие было обращено 362 420 человек. Если на первом, подготовительном этапе, в 1731-1740 гг., было крещено всего 2 654 иноверца, то в 1741-1755 гг. – 335 789. За время массовой христианизации было крещено 12 699 татар; подавляющая часть из них – 9 548 человек – была обращена в православие в 1748-1755 гг.

Темпы крещения были особенно велики именно в первые десять лет работы Новокрещенской конторы, и они связаны с дея-

тельностью таких миссионеров, как Л. Канашевич, Д. Сеченов, В. Пуцек-Григорович, С. Гловацкий, Е. Скаловский. За эти десять лет основная масса языческих народов была уже крещена. Незначительная часть татар-мусульман вынуждена была креститься под воздействием неприкрытого насилия или материального интереса – в расчете на получение различных льгот и привилегий. Вот почему сам факт крещения для них оставался формальным и, следовательно, непрочным.

На наш взгляд, основная причина сохранения большинством мусульман региона традиционной религиозной идентичности состояла в том, что для него исламские ценности оказались непреходящими, в силу чего христианизаторская политика Российского государства порождала стойкое сопротивление. К тому же, привилегии, которые полагались крещеным, вызывали у мусульман не только отрицательные эмоции, но по существу сформировали негативное отношение к крещеным соплеменникам как к людям, не только изменившим вере, а ущербным, имеющим незаслуженные преимущества.

Как показывает историографический анализ, перемены в религиозной политике были вызваны совокупностью факторов. Во-первых, свою роль сыграли идеи «просвещенного абсолютизма». Во-вторых, власть объективно не могла не учитывать настойчивые требования татар и других мусульманских народов империи о свободном отправлении религиозных нужд. В-третьих, к началу 60-х гг. почти было завершено массовое крещение целого ряда иноверческих народов Волго-Уральского региона. В-четвертых, что касается мусульман, то большинство из них сохранило прежнюю религиозную идентичность, несмотря на соединение усилий государства и православных миссионеров и активное применение принуждения. Перед лицом провала политики массового крещения мусульман государственные органы вынуждены были искать другие решения. Они попытались использовать исламскую религию в интересах укрепления империи, официально признав право на свободное вероисповедание и для сторонников ислама.

Однако сам процесс христианизации продолжался, освободившись от наиболее одиозных проявлений и приняв новые формы. Начался епархиальный этап миссионерской деятельности. Вместе с тем в религиозной политике Российского государства в данный период формируется новая составляющая, которую можно было бы обозначить понятием «веротерпимость».

Этнокультурные результаты и последствия религиозной политики 1741-1762 гг. были неоднозначными. Действительно массовая христианизация целого ряда языческих народов Волго-Уральского региона решала задачу их интеграции в социокультурное пространство России, правда, на основе духовной унификации. Тем самым

объективно расширялись основы формирования именно российской цивилизации прежде всего за счет этнического разнообразия. Расширению этих основ, но уже за счет религиозного разнообразия, служило и сохранение большинством мусульман региона прежней веры. Для самих мусульманских народов, прежде всего татар, христианизация обернулась социокультурным расколом.

В ходе работы Уложенной комиссии обнажились и столкнулись различные позиции по принципиальным вопросам религиозной политики Российского государства. Главными, по сути дела, стали вопросы о свободе вероисповедания и о разном социально-правовом положении крещеных и некрещеных, православных и мусульман. Если первые касались открывающегося будущего этой политики, то вторые, будучи не преодоленной реальностью настоящего, уходили своими корнями в ее прошлое. Наиболее активными и последовательными сторонниками разрешения и тех, и других вопросов были иноверческие депутаты, прежде всего депутаты от мусульман. Оглашенные ими указы, выступления на собраниях Уложенной комиссии свидетельствовали о поддержке формировавшегося обновленного курса государства в духовно-религиозной сфере и о неприятии той линии, которая реализовывалась с начала XVIII столетия.

Сильное недовольство вызывала практика принудительной христианизации с ее системой мер по обращению нерусских народов в православие и удержанию их в новой вере. Особо выраженное чувство обиды и горечи, как показал анализ иноверческих наказов, оставляли социально-экономические ограничения и тяготы, которые испытывали те, кто остался в рамках исламской духовной традиции. Тем самым негативно оценивалось наследие прежней религиозной политики государства. Что касается будущего этой политики, то оно связывалось и в наказах, и в выступлениях иноверческих депутатов, прежде всего мусульман, с идеями веротерпимости, получившими отражение в первоначальных документах Уложенной комиссии. По крайней мере, пожелания беспрепятственного строительства мечетей, совершения хаджа, исключения поношений мусульманской веры и другие ясно указывали ориентир для действий властей в духовно-религиозной сфере многоконфессиональной страны и ее отдельных регионов. Одновременно становилось очевидным, что духовно-религиозные нужды имели для мусульман одно из приоритетных значений.

В конечном счете позиция иноверческих депутатов способствовала закреплению начавшихся позитивных изменений в религиозной политике Российского государства. Их предложения, в том числе касающиеся учета специфических интересов как мусульман, так и новокрещеных, позднее неоднократно были использованы в текущем законодательстве, стали одним из краеугольных камней в закладывающемся правовом фундаменте принципиально нового,

толерантного отношения к исламу – религии значительной части подданных России.

Учреждение в 1789 г. Духовного собрания явилось высшей точкой в эволюции религиозной политики Российского государства XVIII столетия. По сути дела оно означало признание ислама терпимой религией и переход светской власти к политике сотрудничества, взаимодействия с миром ислама в собственной стране. Это был итог целого ряда правительственных решений, открывающих возможность полуавтономного и вместе с тем подконтрольного властным структурам существования мусульманского духовенства, мусульманских институтов, мусульманской общины. Состоялся своего рода исторический компромисс с духовной и светской верхушкой мусульманского социума, в основе которого лежали предоставление определенной свободы в духовно-религиозной сфере, привилегий в обмен на необходимую государству лояльность. Следует подчеркнуть, что компромисс был обоюдным, в том числе в плане взаимных встречных шагов, о чем свидетельствует и зарождение проекта создания муфтията в мусульманской среде.

Толерантное отношение к исламу, начавшее утверждаться в конце XVIII в., диктовали дух времени, идеи «просвещенного абсолютизма», опыт прежней религиозной политики и государственный интерес – как внутри-, так и внешнеполитический. К «смене вех» Российское государство пришло только после фактического провала политики массовой христианизации мусульман Волго-Уральского региона и осознания возможности использования потенциала мусульманских институтов для укрепления российской государственности.

С учреждением Духовного собрания не только были разрешены многие прежние проблемы и противоречия, но и возникли новые. Такова, собственно, ирония истории, которой отмечена любая политика, в том числе религиозная. Однако общий баланс был, безусловно, позитивным: в лице Духовного собрания, которое было не только управляющей, но и управляемой структурой, российские мусульмане обретали свой официально признанный религиозно-культурный центр, а обширный Волго-Уральский регион становился более стабильным.

В заключении подводятся итоги исследования и сформулированы основные выводы и оценки, подчеркивается значимость рассмотренной проблематики для понимания религиозной политики Российского государства и ее реализации в Волго-Уральском регионе.

История религиозной политики Российского государства и ее осуществления в XVIII в. в Волго-Уральском регионе – важная, драматическая и поучительная страница отечественной истории, без тщательного прочтения которой не может быть ни полной, ни

объективной картина прошлого России, ее народов не только в данном столетии, но и в более широких хронологических рамках. Она вбирает в себя деятельность институтов светской и духовной власти, их представителей центрального и регионального уровней по инициированию, выработке и осуществлению мер в духовно-религиозной сфере, в данном случае – по отношению к неправославным вероисповеданиям и неправославным иноверцам (мусульманам и язычникам), механизмы, перипетии христианизации, трансформацию самой религиозной политики, а также перипетии межконфессиональных и межкультурных контактов разноязычных этносов (русские, угро-финны, тюрки). Реконструкция столь сложных процессов сопряжена с привлечением комплекса источников, в том числе историографических, и их комплексным использованием, с мобилизацией познавательных возможностей многомерного, многофакторного подхода.

Религиозная политика Российского государства в XVIII столетии по отношению к неправославным вероисповеданиям и неправославным иноверцам Волго-Уральского региона представляет собой конкретно-исторический феномен в его региональном проявлении. Обращение в православие и удержание в нем иноверческих народов данного региона составляло ядро этой политики на протяжении двух с половиной веков. Впрочем, и XIX столетие не составило в этом отношении исключения.

Появление и сохранение такого ядра обуславливалось ролью православия как государственной религии и вытекающими отсюда конфессиональными приоритетами, внешним и особенно активным внутренним миссионерством Русской православной церкви, конкурентными соображениями, сложившимся отношением к иноверию и иноверцам, традициями в религиозно-духовной сфере жизни государства. Из комплекса детерминант содержания и отчасти методов осуществления религиозной политики это были наиболее устойчивые составляющие, предопределяющие ее преемственность. Эволюция, трансформация религиозной политики по отношению к иноверию и иноверцам Волго-Уральского региона были обусловлены другими факторами – потребностями Нового времени, российскими социокультурными реалиями, особенностями именно XVIII столетия, в том числе регионального плана.

Далеко не последнюю роль сыграла сама практика христианизации, ее результативность, не сводимая к численности принявших или не принявших православие. Есть основания полагать, что одним из факторов изменения религиозной политики в регионе в направлении перехода к веротерпимости стало сопротивление иноверцев, прежде всего мусульман, а также язычников

мерам государства и церкви по их массовому принудительному крещению.

Религиозная политика Российского государства в XVIII столетии, как и прежде, была связана с другими направлениями его внутривластной деятельности, в первую очередь с социально-экономическим. Не могли не затронуть духовно-религиозную сферу либеральные поветрия в духе «просвещенного абсолютизма», ставшие одной из примет времени царствования Екатерины II. Правительство учитывало также внешнеполитические обстоятельства, диктовавшие необходимость поддержания образа правителя России как покровителя и защитника своих подданных и выведения российских мусульман из-под духовного влияния турецкого султана, считавшегося покровителем всех приверженцев ислама. В системе внутри- и внешнеполитических факторов формирования и изменения религиозной политики ведущая роль принадлежал внутривластным факторам.

В истории формирования религиозной политики Российского государства и ее осуществления в XVIII в. в Волго-Уральском регионе вычленяется несколько взаимосвязанных, преемственных и вместе с тем относительно самостоятельных этапов. Первый – этап подготовки массовой христианизации (1701-1740 гг.); второй – этап массовой христианизации (1741-1761 гг.); третий – епархиальный этап (1764-1789 гг.); Четвертый – начало этапа веротерпимости (конец XVIII в.). На каждом из этапов религиозная политика имела свое содержание и формы, свое сочетание методов и общую, практически не изменяющуюся цель. Под влиянием совокупности обстоятельств она эволюционировала, причем не по прямой восходящей линии, а испытывая периоды колебаний правительственного курса в духовно-религиозной сфере, от нетерпимости к определенной толерантности.

1701-1740 гг. были отмечены ужесточением религиозной политики в отношении к иноверию и иноверцам Волго-Уральского региона. Это то общее, наряду со стратегической целью – христианизацией, что характеризовало религиозную политику Петра I и Анны Иоанновны. Вместе с тем религиозная политика каждого из них имела свое «лицо». Во времена правления Петра I светская власть, по сравнению с предшествующим периодом, в духовно-религиозной сфере действует более активно и напористо, стремясь достичь масштабных результатов в деле христианизации иноверческих народов Волго-Уральского региона, прежде всего мусульман, в течение короткого срока. Кроме того, был осуществлен постепенный переход к сочетанию мер принуждения и поощрения в целях обращения иноверцев в православие и их удержания в новой вере с дифференциацией этих мер в

среде служилого и податного сословий татарского общества. Стимулирование смены религиозной идентичности носило преимущественно социально-экономический характер, что, однако, не обеспечивало достижения тех конкретных целей, которые ставили перед собой светская и духовная власти.

Курс правительства Анны Иоанновны по отношению к иноверию, также направленный на христианизацию иноверцев, был менее радикальным, но более изощренным, многоплановым. Меры стимулирования смены религиозной идентичности, носившие преимущественно социально-экономический характер, дополняются организационными мерами, что выразилось в создании Новокрещенской конторы, а также департамента духовных дел Сената. Кроме того, в целях удержания новокрещенных в православной вере, чему стало придаваться особое значение, был урегулирован и взят под контроль властей целый ряд новых вопросов, касающихся в том числе семейно-брачных отношений новокрещенных и крещеных (русских, православных), расселения и раздельного проживания крещеных и не крещеных, подготовки церковнослужителей из среды иноверческих народов. В сферу активной миссионерской деятельности вошли все российские регионы с иноверческим населением, а не только Среднее Поволжье и Приуралье. В целом были созданы предпосылки для осуществления массовой христианизации присоединенных нерусских народов России. Ее развернутую программу и законодательную базу составил указ Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г.

Массовая христианизация нерусских народов Волго-Уральского региона, первым годом которой стал 1741 г., продолжалась в течение двадцати лет. За данный период, вдвое меньший, чем предыдущий, идеологи, организаторы и исполнители этой политики смогли добиться массовой смены религиозной идентичности иноверцев региона, главным образом язычников, которые, за редким исключением, были крещены. Среди татар удельный вес крещеных превысил 7% от их общей численности.

Столь весомый общий результат не был случайностью. При всем потенциале религиозной политики предшествующих правителей России XVIII столетия только религиозная политика Елизаветы Петровны, направленная на христианизацию иноверцев, носила комплексный характер. Для стимулирования смены нерусскими народами религиозной идентичности, что вовсе не исключало прямого и косвенного принуждения, использовались экономические, финансовые, социальные, организационные, административные, законодательные меры. Как специальное направление выделились меры по переселению и защите новокре-

щенных и иноверцев, а также была реализована идея рекрутирования помощников в иноверческой среде посредством подготовки православных священников из числа иноверцев в новокрещенских школах для работы среди нерусского населения. Соответствующие мероприятия были взаимосвязаны между собой и корректировались в зависимости от ситуации. Нет оснований полагать, что в усилиях институтов светской и духовной власти собственно просветительская деятельность православной церкви занимала особое место и отличалась заметной эффективностью.

На этапе массовой христианизации сформировался и в полной мере проявился весь механизм реализации религиозной политики государства в Волго-Уральском регионе. Его основными компонентами были принятие и исполнение законов и иных актов, регулирующих духовно-религиозную сферу, система принуждения и поощрения к принятию православия, меры по переселению новообращенных, духовное образование новокрещеных.

В последующие годы центр религиозной политики в регионе отчасти смещается в иную плоскость. Ввиду завершения крещения к началу 60-х гг. основной массы язычников и стойкого сопротивления мусульман, прежде всего татар-мусульман, процесс массовой христианизации иноверцев региона объективно подошел к своему завершению, власти делают, с одной стороны, упор на удержание новокрещеных в православной вере, а с другой – предпринимают шаги по признанию ислама терпимой религией. Этот нелегкий для властей путь был отмечен такими важными вехами, как закрытие Новокрещенской конторы (1764 г.), работа мусульманских депутатов в Уложенной комиссии (1767-1768 гг.), создание Оренбургского духовного собрания (1789 г.) и прекращение деятельности православных проповедников среди мусульман (1788 г.).

Особое значение имело учреждение Духовного собрания, ставшее высшей точкой в эволюции религиозной политики Российского государства XVIII столетия и означавшее признание ислама терпимой религией и переход светской власти к политике сотрудничества, взаимодействия с миром ислама в своей собственной стране. Однако сам процесс христианизации, рафинированный по мере возможности и облаченный в новые, преимущественно ненасильственные формы, был продолжен.

К оценке результативности религиозной политики Российского государства в Волго-Уральском регионе следует подходить комплексно, имея в виду широкий контекст. При таком подходе выявляются противоречивые, неоднозначные итоги и последствия. В плане достижения в целом стратегической цели – христиа-

низации – следует говорить о ее высокой эффективности: было крещено более 362 тысяч иноверцев Поволжья и Приуралья, в том числе свыше 12 тысяч татар. На фоне обращения в православие почти всех язычников региона успехи христианизаторов в мусульманской среде были более чем скромными. Однако количественные показатели многое оставляют в тени.

В социокультурном плане картина гораздо сложнее. Смена религиозной идентичности влекла за собой новую культурную идентичность, что в целом вызывало ситуацию глубокого раскола. Но если в случае абсолютного доминирования новообращенных, что наблюдалось в среде бывших языческих народов региона, эта ситуация постепенно разрешалась, то при абсолютном доминировании сторонников прежней веры, как это было в мусульманской среде, она проявилась очень резко и оказалась неустрашимой.

Татарский этнос был расколот на две неравные части, которые оказались в разной религиозной среде, что создало условия для формирования у них разных культур на основе христианских и исламских духовных ценностей. У части татар, в отличие от XVI-XVII вв., произошла не только внешняя смена религии, но постепенно стал меняться весь духовный уклад и быт. Однако в XVIII в. принятие православия еще не привело к смене этнической идентичности татар и появлению у них другого этнического самосознания. Вместе с тем у большей части татар настойчивые попытки принудительной массовой христианизации инициировали укрепление исламской веры, вызвали процессы консолидации.

Противоречивый след оставила переселенческая политика, стремившаяся обеспечить смену религиозной идентичности иноверцев Волго-Уральского региона. На обширном пространстве региона и за его пределами возникли разнонаправленные миграционные потоки. В ряде мест изменялась этнодемографическая ситуация, формировались новые этноконфессиональные группы, новые духовные центры мусульман, а также шел процесс русификации. Наряду с этим начиналось широкое межэтническое и межкультурное взаимодействие. В то же время новокрещенные-переселенцы создали предпосылки для возвращения в XIX столетии большей части ранее крещеных татар в ислам. Эти процессы объективно открывали возможности для более широких этнокультурных контактов, в том числе через духовное образование бывших иноверцев в новокрещенских школах.

Массовая христианизация целого ряда народов региона, придерживавшихся языческих верований, содействовала их инте-

грации в социокультурное пространство России, осуществляемой на основе духовной унификации. Тем самым объективно расширялись основы формирования именно российской цивилизации и прежде всего за счет этнического разнообразия. Расширению этих основ, но уже за счет религиозного разнообразия, служило и сохранение большинством мусульман региона прежней веры.

Действия властей по отношению к иноверию и иноверцам региона порождали отрицание проводимой ими религиозной политики. Ответом на них стал протест нерусских народов региона, имевший различные формы. Самыми значимыми его проявлениями были волнения мусульман и язычников 40-х гг. XVIII столетия и, более всего, восстание 1755 г. под руководством Батырши. Эти движения, особенно волнения 40-х гг., не проходили под собственно религиозными знаменами. Вместе с тем, поскольку их участниками двигало прежде всего недовольство неравноправным социально-экономическим положением, порожденным практикой крещения (речь идет о социально-экономическом ущемлении не принявших крещение по сравнению с новообращенными), а также возмущение насильственными методами обращения в православие, постольку они были не чем иным, как естественной реакцией иноверческого населения на религиозную политику государства периода массовой христианизации. Размах волнений иноверцев стал одним из обстоятельств, побудивших правительство пойти на смягчение этой политики.

Неприятие иноверческим населением в лице иноверческих депутатов, прежде всего мусульман, традиционной религиозной политики с порожденными ею социально-экономическим и социально-правовым ущемлением некрещеных, неправославных, практикой принудительной христианизации продемонстрировала и работа Уложенной комиссии. С другой стороны, эти же депутаты наиболее активно поддерживали идеи веротерпимости, получившие отражение в первоначальных документах Комиссии, начавший формироваться в либеральном духе курс правительства в духовно-религиозной сфере. В конечном счете позиция иноверческих депутатов способствовала закреплению вызревавших позитивных изменений в религиозной политике Российского государства, способствовала созданию правовых основ толерантного отношения к исламу.

Опыт осуществления религиозной политики государства в одном из самых полиэтничных и поликонфессиональных регионов России продемонстрировал, что ее продуктивность была тем выше, чем дальше она смещалась от нетерпимости в сторону толерантности, уважительного отношения ко всем конфессиям. Такой вектор эволюции создавал благоприятную почву для межэтнического, меж-

конфессионального и межкультурного диалога. Компромисс в любой сфере, а в духовно-религиозной в особенности, предпочтительнее конфронтации, что показали и последствия изменившегося отношения к исламу. При иных приоритетах религиозная политика вынуждена разрешать порождаемые ею же противоречия вместо того, чтобы решать проблемы, рождаемые жизнью.

Список опубликованных работ по теме диссертации

I. Монографии:

1. Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье / Ф.Г. Ислаев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 128 с. (7,9 п.л.).
2. Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости / Ф.Г. Ислаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 220 с. (14,3 п.л.).
3. Ислаев Ф.Г. Восстание Батырши. Год 1755 / Ф.Г. Ислаев. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2004. – 152 с. (9,5 п.л.).
4. Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII / Ф.Г. Ислаев. – М.: Русское слово, 2004. – 416 с. (24,18 п.л.).

II. Научные статьи и тезисы конференций

5. Ислаев Ф.Г. Руководители Новокрестьянской конторы / Ф.Г. Ислаев // Гуманитарные проблемы и аспекты изучения: матер. итог. конф. Татар. гос. гуманитар. ин-та за 1996 г. – Казань, 1997. – С. 66-72 (0,4 п.л.).
6. Ислаев Ф.Г. Новокрестьянская контора / Ф.Г. Ислаев // Татарстан. – 1997. – №7. – С. 59-64 (0,4 п.л.).
7. Ислаев Ф.Г. Особенности исламо-христианских отношений в середине XVIII века / Ф.Г. Ислаев // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. тез. и докл. междунар. науч.-прак. конф. 2-3 окт. 1997 г. – Казань, 1998. – С. 169-171 (0,3 п.л.).
8. Ислаев Ф.Г. Ш. Марджани и проблемы крещения мусульман в России / Ф.Г. Ислаев // Марджани: наследие и современность: матер. междунар. науч. конф. – Казань, 1998. – С. 172-173 (0,1 п.л.).
9. Ислаев Ф.Г. Исмагил Апки́н – соратник муллы Батырши / Ф.Г. Ислаев // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 1999. – №1/2. – С. 273-275 (0,4 п.л.).
10. Ислаев Ф.Г. Мулла Батырша и Альметьевский край / Ф.Г. Ислаев // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Рег. науч.-прак. конф. Альметьевск, 23-25 ноя. 1999: тез. докл. – Альметьевск, 1999. – С. 66-68. (0,2 п.л.).

11. Ислаев Ф.Г. К вопросу о крещении инородцев в Закавказье в середине XVIII / Ф.Г. Ислаев // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона: матер. науч.-практ. конф. – Казань, 2002. – С. 159-164 (0,3 п.л.).
12. Ислаев Ф.Г. Джон Локк, Петр Великий и некоторые вопросы веротерпимости в России XVIII века / Ф.Г. Ислаев // Проектирование образовательной среды на основе современных образовательных технологий: сб. науч. тр. ИПКРО РТ и молодых ученых. – Казань, 2002. – С. 174-182 (1,0 п.л.).
13. Ислаев Ф.Г. Ризаэтдин Фахретдин ислам-насари мөнәсәбәтләре турында / Ф.Г. Ислаев // Ризаэтдин Фахретдин: Наследие и современность. Казань, 19 ноя. 1999 г.: сб. ст. – Казань, 2003. – 256-264 бб. (0,5 п.л.).
14. Ислаев Ф.Г. Татары в Екатерининской Уложенной комиссии 1767-1768 гг. / Ф.Г. Ислаев // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 2003. – №3-4. – С. 42-46 (0,5 п.л.).
15. Ислаев Ф.Г. Межрелигиозный диалог в современных учебниках по истории Отечества: взгляд из Казани / Ф.Г. Ислаев // Содержание исторического образования в контексте модернизации полиэтнического общества России. Москва, 10-11 апр. 2003 г.: матер. Всерос. конф. – М., 2003. – С. 169-175 (0,4 п.л.).
16. Ислаев Ф.Г. Статистика массовой христианизации народов Поволжья (1741-1761 гг.) / Ф.Г. Ислаев. – Казань, 2003. – 21 с. (1,5 п.л.).
17. Ислаев Ф.Г. Особенности межрелигиозных отношений в Поволжье и их отражение в учебниках истории / Ф.Г. Ислаев // Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы: матер. Всерос. науч.-практ. конф. 30 окт. 2003 г. – Казань, 2003. – С. 52-61 (0,5 п.л.).
18. Ислаев Ф.Г. Татары в Уложенной комиссии: проблемы межрелигиозных отношений / Ф.Г. Ислаев // Научный Татарстан. – 2004. – № 1/2. – С. 168-170. – №3. – С. 130-135 (1,0 п.л.).
19. Ислаев Ф.Г. Межрелигиозные отношения в учебниках истории / Ф.Г. Ислаев // Наука и школа. – 2004. – №3. – С. 58-61 (0,4 п.л.).
20. Ислаев Ф.Г. Межрелигиозные отношения в России XVIII века и их отражение в учебниках истории / Ф.Г. Ислаев // Преподавание истории в школе. – 2004. – №9. – С. 32-35 (0,5 п.л.).

21. Ислаев Ф.Г. Татарские мечети Казанского уезда середины XVIII в. / Ф.Г. Ислаев, Р.Ф. Галлямов // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 2004. – №2. – С. 74-81 (0,8 п.л.).
22. Ислаев Ф.Г. Новый источник о мечетях в Татарской слободе города Казани / Ф.Г. Ислаев // Проблемы истории Казани: современный взгляд: сб. ст. – Казань: Ин-т истории Академии наук РТ, 2004. – С. 235-241 (0,6 п.л.).
23. Ислаев Ф.Г. От конфронтации к веротерпимости: эволюция религиозной политики российского государства в XVIII веке / Ф.Г. Ислаев // Преподавание истории и обществознания. – 2005. – №3. – С. 3-10 (0,5 п.л.).
24. Ислаев Ф.Г. Новокрещенские школы Поволжья / Ф.Г. Ислаев // Педагогика. – 2005. – №3. – С. 83-87 (0,5 п.л.).
25. Ислаев Ф.Г. Экстракт в Правительствующий сенат из Казанской губернии о татарских мечетях / Ф.Г. Ислаев, Р.Ф. Галлямов // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 2005. – №1. – С. 302-318 (1,5 п.л.).